

От города Байхэ до города Чанцэ они добирались около пяти дней. На самом деле, если бы они ехали день и ночь без отдыха, путь занял бы вдвое меньше времени. Однако целью поездки Фэн Цяньсюэ был сам Се Жэнь, и раз уж тот нашелся, то спешить в академию не имело смысла. Что же до Се Жэня, тот и вовсе привык поступать так, как душе угодно. Даже прибыв в город Чанцэ, он не стал сразу возвращаться в академию, а первым делом отправился один на гору Вэйшань, чтобы бережно выпустить в пустой водоем красного карпа, которого с таким трудом поймал.

— Жди, — удовлетворенно проговорил он, стоя на берегу и обращаясь к понурой рыбе. — В следующий раз выловлю тебе женушку под стать.

Красный карп, разумеется, человеческой речи не понимал, а потому не смог выразить подобающей радости по поводу грядущего брака и лишь вильнул хвостом, уплывая на другую сторону.

В переднем зале академии Чанцэ Ли Хуань читал книгу, как вдруг с ограды спрыгнул человек.

— Держи!

Прямо ему в руки полетел сверток из промасленной бумаги. Ли Хуань ловко перехватил его одной рукой и недовольно спросил:

— И куда тебя снова унесло?

— В город Байхэ, добыл для учителя красного карпа. — Се Жэнь оттолкнул в сторону разбросанные на столе вещи и, заметив среди них руководство «Цюэюэ цзюэ», мимоходом поинтересовался: — Ты тоже тайком пробрался в хранилище книг?

— Думаешь, все такие же, как ты? Это господин Чжу принес несколько дней назад, — Ли Хуань швырнул ему книгу. — Награда за то, что усмирил змея миншэ.

— И за это он отлупил меня с такой жестокостью?

— Всыпал он тебе за то, что ты сжег полгоры, а змей миншэ тут ни при чем, — Ли Хуань указал на османтусовые пирожные в свертке. — Оставь лучше себе и съешь. А как доешь, беги коленями на пол. В ту ночь господин Чжу пришел лично: принес не только эту «Цюэюэ цзюэ», но и целую кучу целебных мазей, а тебя и след простыл. Ты его едва до обморока от злости не довел.

Се Жэнь спешно доел пирожное, засунул за пазуху еще пару штук и, уже на бегу, прокричал:

— Не забудь принести мне пожевать!

Ли Хуань едва не задохнулся от возмущения.

Выйдя из комнаты Чжу Есюя, Фэн Цяньсюэ сразу увидел Се Жэня, который прямо выпрямившись сидел на коленях во дворе. Заметив его, тот не забыл даже помахать рукой в знак приветствия.

— ...

Вид у него и впрямь был совсем не раскаивающийся.

Во всей академии Чанцэ знали: Чжу Есюй был к Се Жэню искренне строг, но и искренне его

выделял. Иначе не взял бы в личные ученики. Все остальные студенты обязаны были чинно обращаться к нему «господин Чжу», и лишь Се Жэнь звал его учителем.

— А-Жэнь, — окликнул его Чжу Есюй. — Зайди.

— Слушаюсь, — Се Жэнь состряпал покорную мину, вошел в комнату и опустил руки, готовый выслушать нагоняй и отправиться дальше стоять на коленях.

Однако Чжу Есюй даже не упомянул о его побеге, а вместо этого произнес:

— Сегодня утром я получил известие, что в поселке Ути в последнее время нет покоя из-за проклятого дома. Раз уж ты вернулся, отправляйся туда от моего имени и разузнай всё.

Се Жэнь отозвался согласием, а про себя тайком ликовал: мало того что наказания удалось избежать, так еще выпала возможность вырваться из академии и поразвлечься несколько дней.

Чжу Есюй добавил:

— Новичок из клана Фэн отправится с тобой. Смотри не... обижай его.

Произнося эти слова, даже сам старый господин Чжу почувствовал некоторую нелепость сказанного. В конце концов, высший бессмертный Цюньюй одним взмахом меча мог заковать бурную реку в лед, так что понятие «обижать» к нему абсолютно не подходило.

Когда Се Жэнь вернулся к себе, Фэн Цяньсюэ в соседней комнате собирал вещи. С самого рождения он пальцем о палец не ударил для бытовых нужд: учитель, старшие ученики и девы-служанки носили его на руках, так что он понятия не имел о житейских заботах. И поскольку перед выездом тренироваться не пришлось, даже Се Жэнь, который сам бывал в быту не силен, не смог на это смотреть без изумления:

— Ты что, даже вещи складывать не умеешь?

— Не умею, — ответил Фэн Цяньсюэ.

Се Жэнь вошел и кое-как навел порядок в его шкафу, забитом всякой всячиной... Кое-как — это мягко сказано: беспорядочный ворох просто превратился в немного сложенный беспорядочный ворох.

— Научился?

Фэн Цяньсюэ умолк. Он искренне не понимал, как можно с гордостью демонстрировать мастерство, напоминающее повадки сумасшедшего пса, копающего соленья. Се Жэнь, видимо, и сам почувствовал неловкость, а потому со скрежетом захлопнул дверцу и сменил тему:

— Ты слышал от учителя про поселок Ути?

Фэн Цяньсюэ проговорил:

— Говорят, в поселке есть усадьба. Когда-то там жила супружеская пара. Поначалу у них царил лад, но затем муж увлекся другой и в самый лютый мороз решил прогнать жену, дав ей развод. Жена не согласилась и снежной ночью убила его. С тех пор дом стал проклятым.

— Да ну, не факт, — Се Жэнь прислонился к подоконнику и беспечно ляпнул: — Жена прикончила изменника и выместила злобу — звучит как весьма отрадное дело. По-моему, дом

этот вовсе не проклятый, а очень даже благословенное и живописное место.

Фэн Цяньсюэ слегка кивнул и добавил:

— И теперь в этом благословенном месте породилась призрачная марионетка в красном.

Се Жэнь цыкнул зубом:

— С-с-с...

Ладно, тогда завтра и выдвигаемся.

Поселок Ути располагался к югу от города Чанцэ, в низине. Его плотным кольцом окружали древние живописные леса, а с гор стремительно сбегал чистый родник, журчащий вокруг поселения и питавший эти благодатные края редкой духовной энергией.

Се Жэнь остановился у входа в поселок:

— Позапрошлым летом, когда мы приезжали сюда с учителем, здесь было невероятно оживленно. Едва провожали одну группу заклинателей, как прибывала следующая. В постоянных дворах не найти было свободной койки, да и в тавернах столик приходилось ждать с трудом. А уж если гуляки напивались до беспамятства, то доставали свои магические артефакты, играли на цитрах, и их песни оглашали небеса всю ночь напролет.

— А теперь... — начал Фэн Цяньсюэ.

— А теперь... Теперь все совсем плачевно, — Се Жэнь выудил из грязной лужи кусок древесины с полусгнившим иероглифом «У». — Надо же, даже название поселка отвалилось, и никому нет дела починить.

— Людям не до того, — заметил Фэн Цяньсюэ. — Когда призрачная марионетка творит бесчинства, все охвачены паникой. Кому есть дело до вывесок?

Призрачные марионетки рождались из женщин, умерших с глубокой обидой в душе. Черные марионетки по большей части вели себя смирно, среди белых иногда встречались даже довольно милые и озорные, но самыми свирепыми были призрачные марионетки в красном. Только бездонная ненависть и непреодолимое сожаление могли заставить дух облачиться после смерти в алые одежды. Обычным заклинателям с такой лютой нечистью было не сладить.

В поселке Ути свирепствовала именно такая — в красном. Месяц назад здесь царил покой, как вдруг за одну ночь безжалостно сгинули десять ни в чем не повинных заклинателей: у них вырвали сердца, печень и забрали золотые ядра. Ученики школы Цуйюй устроили засаду, пытаясь усмирить тварь, но сами пали от ее когтей. Единственным выжившим оказался тринадцатилетний мальчик. Поговаривали, что марионетка долго разглядывала его, а затем бросила: «Ты еще не женился и, быть может, не станешь предателем», — после чего повернулась и забила остальных.

Из этого все сделали вывод: внезапно объявившаяся призрачная марионетка в красном наверняка была хозяйкой усадьбы на юге поселка, Су Ляньэр, некогда убившей своего мужа. Ходили слухи, что после того как она изрубила предателя-супруга, то сама приняла яд. Младший брат мужа ненавидел ее до глубины души и, разумеется, не стал предавать тело земле как подобает: завернул труп в рваную циновку и выбросил на безымянное кладбище. К

слову, этот деверь теперь тоже был мертв — позавчера бывшая невестка свернула ему шею и снесла макушку, хотя у того и не было золотого ядра, да и вскрывать живот ради наживы не имело смысла.

Се Жэнь сказал:

— Школа Цуйюй — не из последних, а десяток ее учеников, вместе взятых, ничего не смогли с ней поделать. Похоже, дело действительно непростое.

— Вытри руки, — Фэн Цяньсюэ протянул ему платок. — Пойдем, сначала осмотримся в поселке.

Платок был белоснежным, с вышитыми в уголке двумя веточками груши в снегу. Се Жэнь, особо не задумываясь, вытер пальцы, оставив на ткани два жирных черных отпечатка.

Возвращать вещь в таком виде уже не пристало. К счастью, лавки в поселке еще работали.

Стоило Фэн Цяньсюэ ненадолго отвлечься, как его спутник уже испарился.

— ...

— На! — Спустя мгновение перед ним появился парчовый платочек сочно-желтого цвета с вышитыми пионами.

Се Жэнь с ухмылкой продолжал:

— Ты уж не брезгуй. Это лучшее, что нашлось в лавке.

Фэн Цяньсюэ отступил на шаг:

— Не нужно.

Се Жэнь небрежно хлопнул платком по его плечу и добавил:

— Я схожу еще кое-куда, а ты подожди меня в чайной впереди, заодно разведай новости.

Фэн Цяньсюэ проводил его взглядом: Се Жэнь снова умчался прочь, словно и не собирался действовать сообща. Из-за этого у Фэн Цяньсюэ испортилось настроение, а с ним — и выражение лица. Когда он вошел в чайную, посетители, до этого бурно обсуждавшие призрачную марионетку из усадьбы, мгновенно замолкли. Они подумали, что этот холодный заклинатель в белых одеждах и с мечом явно не из тех, с кем стоит связываться. В поселке и так беспокойно, к чему навлекать на себя беду? Гости разом подхватили подносы с чайниками и сбежали на первый этаж, передвигаясь на цыпочках, будто воры.

Так что, когда Се Жэнь наконец отыскал его, то немало удивился:

— Я просил тебя разузнать новости, а ты чего это один на втором этаже уселся?

Фэн Цяньсюэ ответил:

— Не знаю.